

- ⁹ Малицкий А. Советская конституция. Харьков, 1924; Батурина Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению (политико-правовой взгляд). М.: Наука, 1989; Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М., 1990; Проблемы формирования социалистического правового государства // Труды Академии МВД СССР. М., 1991.
- ¹⁰ См.: Архипов К. Понятие закона // Советское право. Журнал института советского права. 1924. № 2(8). С. 69–72.
- ¹¹ Афанасьев В.С. Современные проблемы теории законности. М., 1993. С. 8.
- ¹² Ленин В.И. О двойном подчинении и законности. Товарищу Сталину для Политбюро // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 198.
- ¹³ ГАРФ. Ф. р. 1235, оп. 102, д. 111, л. 47–56.
- ¹⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 385.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. р. 3316, оп. 65, д. 12, л. 22.
- ¹⁶ Пащуканис Е. Положение на теоретическом правовом фронте [к некоторым итогам дискуссии] // Советское государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 49.
- ¹⁷ ГАОПИКО. Ф. п. 69, оп. 1, д. 57, л. 56, 253, д. 177, л. 29; ГАКО. Ф. р. 345, оп. 1, д. 47, л. 15, 15об; ГАОО. Ф. р. 27, оп. 1, д. 667, л. 112, д. 668, л. 3; ГАРФ. Ф. р. 3316, оп. 64, д. 1395, л. 5, 6 об, д. 1534, л. 2 об; ГАРФ. Ф. р. 9415, оп. 3, с. 1, л. 142, 146; Кононов, Коротаев. Коллективизация сельского хозяйства и административные органы // Административный вестник. 1930. Апрель. № 4. С. 17–20; Померанцев В. Роль милиции в посевной кампании // Административный вестник. 1930. Февраль. № 2. С. 32–34; Лаговиер Н., Мокеев В. Суд и прокуратура в борьбе с бюрократизмом и волокитой / под ред. Н.В. Крыленко. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 60 с.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. р. 393, оп. 83, д. 1, л. 69.
- ¹⁹ Демидов А.И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 17.
- ²⁰ ГАОПИКО. Ф. п. 69, оп. 1, д. 57, л. 280.
- ²¹ ГАОО. Ф. р. 27, оп. 1, д. 667, л. 87 об.
- ²² ГАРФ. Ф. р. 1235, оп. 69, д. 1, л. 70–78.
- ²³ Административный вестник. 1928. Декабрь. № 12. С. 51.
- ²⁴ Постановление СНК РСФСР от 23 марта 1929 г. «По докладу Народного комиссариата юстиции о результатах выполнения постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. О карательной политике» // Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. 12 мая 1929 г. № 17 (318). С. 307–308.
- ²⁵ Циркуляр НКЮ РСФСР № 112 от 23 сентября 1929 г. Директивное письмо «О систематической проверке соблюдения революционной законности» // Еженедельник советской юстиции. 10.10.1929. № 39. С. 926–927.
- ²⁶ ГАКО. Ф. р.-1758, оп. 1, д. 184, л. 258.
- ²⁷ Кузнецов В. О состоянии организационно-массовой работы низовых Советов в ЦЧО // Ленинский путь. Май. 1930. № 9–10 (45–46). С. 98–106.
- ²⁸ ГАОО. Ф. р.-27, оп. 1, д. 667, л. 24, 37.
- ²⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. С. 319.
- ³⁰ ГАОО. Ф. р.-473, оп. 1, д. 4, л. 6, 6 об.
- ³¹ ГАОО. Ф. п.-48, оп. 1, д. 3, л. 53.
- ³² ГАОО. Ф. п.-1, оп. 1, д. 2112, л. 56, 27, 28, 29, 60, 74, 118.
- ³³ ГАРФ. Ф. р.-3316, оп. 64, д. 557, л. 48.
- ³⁴ ГАКО. Ф. р.-2638, оп. 1, д. 103, л. 91.
- ³⁵ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией» // СЗ СССР. 5 сентября 1932 г. № 65. Ст. 375. С. 628.
- ³⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1932 г. «Об изменениях ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 18.12.1932. № 87. Ст. 385. С. 501.
- ³⁷ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1932 г. // СЗ СССР. 07.12.1932. № 79. Ст. 481. С. 773–774.
- ³⁸ Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М.: Российское право, 1992. С. 213, 214, 215.
- ³⁹ Алексеев С.С. Философия права. М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 176, 177.
- ⁴⁰ Ленин В.И. Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 129.
- ⁴¹ Ленин В.И. План доклада на II Всероссийском съезде политпросветов // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 465.
- ⁴² Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 156.
- ⁴³ Ленин В.И. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 117.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф. р.-27, оп. 1, д. 668, л. 4.
- ⁴⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Право официальное и неформальное // Журнал российского права. 2005. № 5.

УСТАВ «ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ» 1822 Г.*

В статье освещаются положения основного документа царской России в области регулирования отношений с аборигенными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока — Устава «Об управлении инородцев» 1822 г. Автор приходит к выводу о том, что правовые нормы, регулирующие систему управления территориями проживания коренных народов, для своего времени были прогрессивными и гуманными. Такого, как в России, законодательства в начале XIX в. не имела ни одна страна мира.

Ключевые слова: население, инородцы, устав, отношения, народ, российский.

The article considers the provisions of fundamental document of the czarist Russia in the sphere of regulation of relations with native peoples of the North, Siberia and Far East — the Charter on Government of Non-Russians of 1822. The author concludes that legal norms regulating the system of government of territories of living of native peoples were progressive and humane for that time. No country of the world had the similar legislation at the end of the XIX century.

Key words: population, non-Russians, charter, relations, people, Russian.

* GARIPOV R.SH. CHARTER “ON GOVERNMENT OF NON-RUSSIANS” OF 1822

В отличие от многих колониальных держав Запада, российская колонизация была направлена не на уничтожение и искоренение населения колонизуемых земель, а на его «природнение», превращение «чужих» в «своих»¹. Как и всякое явление, приход русских имел для окружающих народов и позитивные и негативные следствия. С одной стороны, русские прекратили постоянные войны всех против всех, и передвижение поенным терриориям стало практически безопасным. С другой стороны, имели место произвол и злоупотребление властью со стороны администрации по отношению к местным народам. Представителей этих народов называли «туземцы», а также «инородцы», «иноземцы». В документах XVI–XVII вв., касающихся народов Сибири, термины «туземцы» и «иноземцы» часто замещали друг друга². Необходимо отметить, что на протяжении XVI–XVIII вв. в официальных документах российского правительства и местной администрации термин «туземцы» употреблялся преимущественно по отношению к сибирским инородцам. Народы Поволжья, Приуралья, Прибалтики и Кавказа именовались либо конкретно — татарове, черемисы, башкирцы, вотяки, грузинцы и т.д., либо по сословиям и вере³.

Термин «инородцы» использовался в административной практике царской России, пожалуй, шире и чаще, чем любой другой, включая «туземцев». Он зафиксирован во множестве документов (законах, распоряжениях, деловой переписке) XVI–XIX вв., к наиболее известным среди которых относится Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г., действовавший до начала следующего столетия⁴. Это был уникальный правовой документ, который состоял из 4 частей, 43 глав и 372 параграфов. Ему до сих пор дается очень высокая оценка⁵. В нем впервые в мировой практике предлагалось юридическое решение проблем народов, в том числе народов Севера и Сибири, образ жизни которых не вписывался в обычные нормы гражданского общества.

Данным актом обеспечивалась комплексная регламентация наиболее важных отношений с участием инородцев в сфере землепользования, промыслов, налогов, самоуправления и защиты. Предоставляемые им права подкреплялись соответствующими обязанностями тех, от кого зависело их существование. Указанные народы признавались субъектами государственного права. Они не подчинялись общему законодательству. Считалось, что в правовом смысле инородцем можно только родиться, но нельзя им стать. Принятие инородцами христианства не влекло за собой выхода из этого состояния. Однако изменение образа жизни (переход на оседлость) создавало предпосылки к вступлению в сословие городских и сельских обывателей, т.е. к

обретению иного правового статуса. В документе указывалось, что оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях, а кочевые инородцы остаются вообще на прежних их правах и составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от него в образе управления. При этом кочевым инородцам предлагалось внушить, что они отнюдь не будут против их воли обращены в звание крестьян и вообще без их собственного желания не будут включены ни в какое другое сословие⁶.

Устав 1822 г. был разработан сибирским генерал-губернатором графом М.М. Сперанским и его подчиненным Г.С. Батеньковым специально для аборигенов края. По их замыслу на сибирских аборигенов не просто распространялась волостная система, а учреждалось управление этими народами с учетом их этнокультурных особенностей. Устав фактически предоставлял свободу вероисповедания, включая традиционные языческие религии, принцип добровольного принятия христианства. В образовании провозглашалось учреждение особых «инородческих» школ с обучением на родных языках. Это отличало их от подобных школ-интернатов в Америке для индейского населения, где запрещалось использовать родной язык. Для российского законодательства того времени характерно было стремление минимально вторгаться в установленную обычаями систему управления малыми народами и сохранять их среду обитания. Так, например, Устав устанавливал, что инородцы управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, и запрещал россиянам самовольно селиться на землях, отведенных инородцам.

В сфере экономики Устав, поощряя развитие товарно-денежных отношений, тем не менее, резко не нарушал традиционного права в области природопользования и землепользования. Реформа Сперанского затронула и самоуправление инородцев, упразднив практику косвенного управления ими и фактически введя систему государственной опеки с ощутимыми элементами самоуправления. Таким образом, Устав в тот исторический период позволил менее болезненно решать проблемы вхождения коренных народов в систему политических и социально-экономических отношений страны.

При этом аборигенам Севера удалось сберечь свою этнокультурную самобытность, традиционный хозяйственный уклад, социальную организацию. Подтверждением правильности такой политики явилось и то, что к началу XX в. численность коренных народов Севера существенно возросла. По мнению ряда специалистов, подобный методологический подход важен и для решения современных проблем коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России⁷.

Устав об управлении инородцев давал развернутое закрепление прав инородцев на земли. Согласно этому акту все инородцы делились на разряды, что предопределяло специфику права на землю. Кочующие инородцы, в круг которых входили нынешние коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, имели назначенные им во владение, с определенными границами земли. На этих землях обеспечивалась полная свобода на занятие земледелием, скотоводством и местными промыслами, признавалась возможность их разделения по жребию или другим обыкновениям, принятым у кочующих народов. Русским строго воспрещалось самовольно селиться на этих землях. В ходе дискуссий о земельном законе в Государственной Думе начала XX в. идеи о правахaborигенов также обсуждались⁸. Вопрос о правах иноверцев, живущих в Сибири, на земли, им отведенные, обсуждался еще в 1807 г. в Правительствующем сенате, где отмечалась его сложность. В принятом решении говорилось, что добыча недр производится только с дозволения правительства, а разработка руд и других ископаемых на землях иноверцев не может производиться без их на то согласия. Политика государства в XIX в. строилась на признании «древнего закона», по которому эти земли были закреплены за иноверцами с запрещением их продавать и менять. Реформа М.М. Сперанского должна была закрепить принятую практику, признав нормы обычного права этих народов⁹.

Государство исходило из идеи ограниченного, осторожного вмешательства в систему традиционных социальных связей, культуру и экономику северных народов. Формирование у них новых общественных порядков и ценностных ориентиров только поощрялось, аaborигенам предоставлялась возможность самостоятельного выбора темпа интеграции в доминирующее российское общество. Естественные процессы разложения родовых общин, обусловленные социально-экономическими и политическими факторами, получили новый импульс в связи с целенаправленной российской аккумуляцией Сибирского края, проводимой царским правительством под эгидой объединения земель. Заинтересованные в расширении геополитического и экономического пространства на Востоке, российские власти объявили присоединенные земли собственностью государства, коренному же населению они передавались во владение. Поэтому последние должны были платить за ее пользование государству ясак¹⁰. При этом юридическое оформление новой государственности не предполагало изменения исторически сложившихся форм жизнедеятельности. Обычное право этих народов также оставалось фундаментом регулирования общественных отношений. Устав об управлении инородцев предписывали при принятии решения по

многим вопросам руководствоваться общеизвестными местными обычаями. Такой подход позволял удерживать автономность развития по некоторым направлениям.

В целом правовые нормы, регулирующие систему управления территориями проживания коренных народов, для своего времени были прогрессивными и гуманными. Такого, как в России, законодательства в начале XIX в. не имела ни одна страна мира. Необходимо отметить, что в отличие от многих других стран, коренные малочисленные народы России не знали ни рабства, ни крепостничества. Это обстоятельство способствовало развитию у этих народов самосознания и свободолюбия¹¹. Однако приходится констатировать, что в дальнейшем развитие капитализма в России повлекло существенную колонизацию ряда территорий малочисленных народов, что, в частности, привело к лишению их части территории традиционного проживания и вовлечению в невыгодные им торговые обмены. Естественно, все это негативно сказалось на их традиционном образе жизни, хозяйствовании и промыслах.

Гарипов Руслан Шавкатович,
завкафедрой государственно-правовых
дисциплин факультета юриспруденции Татарского
государственного гуманитарно-педагогического
университета, кандидат юридических наук

arslan111@rambler.ru

¹ См.: Соколовский С.В. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // Kennan Occasional Papers. Washington, 1999.

² См.: Обычное право народов (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М. : Старый сад, 1997.

³ См.: Полный свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1825. Документы № 10, 16, 823, 4464, 4743, 7026, 7278, 8978 и др.

⁴ См.: Полный Свод законов Российской империи. Т. 38. СПб., 1830. С. 394–411.

⁵ См.: Мурашко О. Ратификация конвенции № 169 — нарезвящая необходимость и гарантия будущего коренных малочисленных народов России // Мир коренных народов. Живая Арктика. 2003. № 13. С. 38.

⁶ См.: Комментарий к Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации / под ред. Б.С. Крылова. М., 1999. С. 7.

⁷ См.: Васильева Л.Н. Регулирование прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов: опыт Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 6. С. 157.

⁸ См.: Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. С. 165.

⁹ См.: Новикова Н.И. «Родовые угодья»: перспективы правового плюрализма (представления представителей коренных народов и законодателей) // Государство и право. 2000. № 6. С. 105.

¹⁰ См.: Ломакина И.Б. Особенности субъектного состава обычно-правовых отношений в этнической среде (на примере коренных народов Сибири) // Правоведение. № 3. 2005. С. 146.

¹¹ См.: Комментарий к Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации / под ред. Б.С. Крылова. М., 1999. С. 7.